

**Неразумное, хаотичное природопользование — крупнейший фактор обрушения
устоев жизни немыслимого, неоправданного числа людей на огромных пространствах**

Все решилось и воплотится! Не будет кризис дышать в затылок нашей зависимой экономике. Падающий ВВП поднимется. Индексация пенсий реально инфляции и покупательской способности рубля осуществится. Чиновники-миллионеры, действующие от имени государства, рассчитаются с пенсионерами за созданные ими средства производства. За рубль можно будет купить не два гвоздя или три с половиной грамма сыра, а много больше.

Опилки — на Запад, из Китая — грибы

Все произойдет совсем скоро! Есть план инноваций в соответствии с модернизацией: бесповоротно и окончательно удивить Западную Европу беспрецедентной простотой наших сибирских замыслов. А именно будем поставлять из районов нашего могучего края расфасованные и запечатанные по последнему Евростандарту опилки родных плодоносящих кедров. Это позволит больше закупать на вырученные средства кукурузы из Чили и омертвевшие от смеха при пересечении просторов Сибири грибы Китая. Поскольку алтайских и томских грибов в край завозят еще мало. Поскольку кукурузы со времен Хрущева все меньше, а кенгуру в Австралии заканчиваются: для наших колбас почти всех выбили.

...Ход замысла с опилками логичный. Там, в Европах, постоянно замерзают от сырых ветров. И Штаты мы инвестировали на сумму, где-то близкую к триллиону долларов (в виде поставок и доходов от энергоносителей и прочего).

Мы в этих «баксах не нуждаемся, у нас везде есть свои опилки. Теперь будем везти их за пять тысяч километров — пусть они сжигают и нам за это платят. Как показал опыт, у себя их жечь — не по карману.

Вопрос опилок обсуждался на высоком уровне, вариант доставки авиацией рассмотрен не был — есть магистрали. К тому же продовольствие нам необходимо. По данным Росстата, цены на него в России в отдельные периоды росли в пять раз быстрее, чем в ЕЭС.

Но надо бросить взгляд на состояние наших природных ресурсов.

Речь идет не столько о 320 тысячах озер края, часть из которых с деликатесным продовольствием: жирные чирь, сиги, муксуны и даже лососи. Почти все рыбные озера, за редким исключением, не промысляются — рыбаки туда попасть не могут. Пьют с горя бражку в деревнях, профессионально деградируют совместно с землепашцами; оленеводы присоединиться к ним пока не могут. 20 процентов территории края — олени пастбища, а рабочих домашних оленей мало, почти нет, не на чем с места тронуться. Промысловые охотники за соболем пьют отдельно по другой причине, как говорят, «с устатку» — с места работы идти 100-200 километров, и не все выдерживают выючную жизнь, дальние уголья покидают.

Сражения с природой

Но главное, в каком состоянии находятся наши леса? Не о повсеместно сохраненных осинах речь — это сырье вряд ли устроит богатых и привередливых за рубежом.

Чуть больше половины территории края — лесные земли. Это огромные площади массовых тотальных вырубок лучших хвойных лесов в южной и центральной частях края, включая зону правых притоков Ангары. Еще необъятные пространства гарей, формирующие климат и водный режим, труднодоступные горные и заповедные леса, лесные земли с низкорослыми, разреженными деревьями, леса зоны вечной мерзлоты, при вырубке которых требуется 200 лет на восстановление. То места с биологическими ресурсами, основы существования этносов малочисленных народов Севера, ведущих традиционное природопользование. Сколько же осталось подходящего к

использованию хвойного древостоя, никто сказать не может. Лесоустроительные работы велись два-три десятка лет назад. И шпалоделатели констатируют: подходящего сырья мало, да где же его взять?

Вот брошенная избушка среди лесоповальных волоков на границе Саянского и Партизанского районов. Лесозаготовители по санкции лесничих вырубili кедровые леса и ушли. В хибарке потолок и стены обиты материалами лесоустройства. Очень добротные сделанные карты, с цветной отмывкой — преобладает пунцовый цвет прежних плодоносящих кедровых массивов. Как видно, люди избушку давно не посещали.

В лесоповале выбитых лесах — гущаки осины и худосочных берез, дичи там мало, товарной продукции не добыть. Приходит человек на промысел, а там пустота: избушка среди вырубок — голое место.

Так было и в Курагинском районе на реке Кизир у большого непроходимого порога, где на кедрачах до лесозаготовок добывали глухарей, а теперь нет вовсе. Так было в Березовском районе, на притоках реки Кан — и деревня с благозвучным названием Кедровый перестала существовать.

И таких мест и районов много. Трелевочники заползали на склоны, тащили кедровые с перевалов, утюжили русла ручьев, прирусловые поймы. В пределах дневного хода от избушки не найти теперь и одного перестойного или полнозрелого кедра. Когда здесь еще будет возможность жить и собирать урожай людям, зверям и зверькам? Там и сям ржавеющие обрывки тросов, дверцы кабин — самые разные части. Ковырнешь листья, случайно обнаружишь радиатор. Никто не собирает металлолом: накладно, вывозить далеко.

Такое вот хозяйствование: горняки добыли руду, сталевары сварили сталь, заводы поставили эшелоны тяжелой техники, и все это почивает в лесах — местах сражения с природой.

Местным жителям, имеющим детей, семьи, в таких местах делать нечего. Труженики, отстроившие дома, связавшие свою судьбу с лесом, оказались брошенными. Спросишь о такой деревне: «Как там?» Отвечают: «Теперь это деревня стариков». Молодежь

уходит в сусальной позолоты города, где тоже мало места для счастливой жизни.

За бревнами леса не видят

Лесопользование в России и раньше, и особенно сейчас опирается на ложные постулаты. Непродуманную, хаотичную стратегию природопользования, не состоятельную технологически и структурно не выверенную. Оно не может быть успешным ни экономически, ни биологически, ни с точки зрения интересов природы, населения. Так называемое лесное хозяйство хозяйствованием вовсе не является. Чиновники, определяющие судьбу лесов, и все, с ними связанное, за бревнами не видят леса. Нынешнее лесопользование ущербно, порочно, потому что не учитывает все виды убытков, все виды огромных потерь, связанных с деградацией истинного хозяйствования, потерь социальных, демографических — длинная цепь проблем. Нет анализа сонма проблем. Нет таких аналитиков в узковедомственных анналах — они системой управления не предусматриваются.

Примеры ложных воззрений

То, что лесов у нас много и целесообразно запускать в них иностранные компании.

То, что монстры лесной промышленности — это благо.

То, что местное традиционное биологическое промысловое природопользование, история которого в крае уходит на 25 тысяч лет назад, с которого всегда жило население,— всего лишь побочные виды пользования.

То ложное воззрение, что плодоносящие кедр — такие же хвойные деревья, как другие, и могут вырубаться и экспортироваться под брендом древесины хвойных пород.

То заблуждение, что нет необходимости исключать при определении расчетной лесосеки и планов лесозаготовок зоны концентраций ценных биологических видов — основы традиционного хозяйствования, коим занималось население до нашествия лесничих и лесозаготовителей. А также то, что не стоит исключать из планов лесозаготовок леса в зоне населенных пунктов, а разрешать рубить там, где лесозаготовители захотят.

Еще заблуждение, что организация выживания людей после сведения лесов — дело не стратегов систем управления, а пострадавших.

То призрачное мнение, что лесное хозяйство обрело путь комплексного пользования ресурсами. При общепринятом мнении ученых, что пищевые и кормовые возможности лесов используются на три-пять процентов.

Директора лесхозов, лесничие и те, кто выше, — вся система управления природопользованием: чиновники, действующие от имени государства, отдают под рубки места с концентрацией ценных промысловых видов, пользование которыми и в интересах населения, и биологически состоятельно без сведения лесов. Эти участки могут обеспечивать стабильную занятость населения — имеют особую ценность из-за экспортных возможностей. Речь идет о возобновляющихся ресурсах. Собрали папоротник-орляк, продали в Японию, а на следующий год он вырос снова. Реализовали на аукционе соболя, а на следующий год на таежном участке бегают такой же соболя. И так многое, и многое — долго и всегда!

Сколько ни коси траву, вреда никому не будет. Сколько ни летай пчела, ни собирай урожай, природе только польза. Кедр живут до 500 лет и плодоносят до глубокой старости, а их на разовую потребу лесозаготовителям вместо сбора ценного урожая десятилетиями? Это ли хозяйство?

Где он, богатый вальщик?

Раньше люди таежных деревень ценили и защищали возможность сбора урожая. Так, в недавнем прошлом в охотничьей деревне Чибижек, что у Восточного Саяна, местные жители отвели технику лесозаготовителей от кедрового бора, урожаем которого всегда пользовались и который лесхоз отдал под вырубку. Но властями от леса чибижекам было разъяснено: «Это нам дано право распоряжаться лесами». Бор спилили, деревня впоследствии захирела.

Ясное дело, что такое отношение бьет не только по традиционным природным ценностям, но и мировоззренческим устоям населения, особенно молодежи. Довелось в прошлом году встретить на притоке Кан молодых людей за сбором шишек. Они спиливали кедры, а когда их уличили, последовало объяснение: «Все равно кедры свалят, так чтобы китайцам не досталось».

Подобные воззрения имеют и законодательную почву: разве есть в крае закон о запрете вырубок плодоносящих кедров? Есть давнишний закон о запрете вырубок массивов кедрачей. Но где эти массивы? Нам бы отдельные деревья сохранить!

Молох чрезмерных лесозаготовок сам остановиться уже не может — рубит и рубит, до последнего дерева. Тем более теперь, в век министров-миллионеров, в век чрезмерной коммерциализации и масштабных злоупотреблений, желания отдельных личностей получить много и сразу, не считаясь с интересами населения. Современные хозяева жизни не мыслят интересами граждан, природы, страны, потомков. Это люди не своей страны — люди мира. Колониальная сущность наших земель с ресурсами — это их устремления. Колониальные условия для населения районов — это их путь на земле. Вырубка лесов страну не обогащает. Небольшое число личностей? Да! Местное население? Нет! Другие страны? Да!

Наши леса, природа во многом не для наших людей. Вот несколько инспекций с похожими задачами, даже с автоматчиками, поочередно гоняют какого-нибудь деда, желающего переплыть свою реку за черемшой на своей вековой лодке. Требуют неизвестный ему «фальшфейер». И никого «наверху» не посетит простая мысль: а

может, обнищавшим деревням и одной инспекции хватит?

Разрушает природу невзвешенное управление природопользованием. Но как при этом живут люди, те же лесозаготовители? Вам известен, к примеру, хоть один разбогатевший вальщик?

Вальщик из деревни Усть-Каспа со знаменитой фамилией Алексей Русаков с молодости валил лес, но не заработал даже на свой дом. Ушел из жизни добровольно, решил проблемы посредством веревки и петли.

Другой житель из деревни Журавлево после потери работы в лесу слил на трассе из молоковоза флягу молока для пятерых детей, поскольку они, дети, имеют свойство хотеть кушать. В Журавлево одно время было два леспромхоза, а в прошлом даже три. Но леса с хорошей древесиной вырубili быстро, лиственный лес готовить нерентабельно, леспромхозы разорились, ушли. Девайся без работы куда хочешь! Корову для детей не завести: местность горная и пастбищ мало. Только семьи охотников могут свести концы с концами — горы сдержали продвижение лесозаготовок и вдали остался лес, где можно собирать урожай природы.

А как же вальщик? Получил срок за флягу молока. А дети? Ох, плохо складываются судьбы детей без отца в безработном поселке!

Люди, втянутые в стихию вырубки, надеялись на лучшее, но очарование обилием лесов прошло вместе с ушедшим обилием, — мечты рухнули. Беднеющие поселки, районы, не разбогатевшие почему-то во время масштабных рубок, теперь лишены всякой экономической помощи, несут лик умирающих.

Кто из проплывающих на белом пароходе не помнит Предивинск, один из крупнейших центров заготовки, переработки и перевалки древесины на Енисее? Сейчас на фирменном причале — нагромождение гор отходов из древесины. Здесь словно бои прошли... с природной, лесами, самой жизнью. Пустые проемы окон зияют в производственных зданиях. Высятся брошенные фундаменты недостроенных домов времен обильных запасов леса.

Специалисты на местах выделяют десятки проблем, связанных с лесопользованием. Но это только часть проблем. Кто и как их решает? Младшие управленцы вводят в заблуждение старших, и так до самого верха: лесов, мол, полно и нужны вложения. И идут транши в сотни миллионов рублей из государственных и общественных фондов (один из траншей прошлых лет — 600 миллионов рублей). А в обратном направлении управленческая пирамида работает по известной российской схеме: «Эй, меньшей, скажи меньшому, пусть меньшей меньшому скажет: пусть меньшей козу привяжет».

В прошлом году в Законодательное собрание и администрацию края пришли тысячи писем — по всем проблемам был дан ответ. Ответы есть — вопросы копятся. Но известно, что систематические ошибки имеют свойство накапливаться и перерастать в чрезвычайные ситуации и катастрофические последствия.

Наша односторонняя ось отношений: чиновники — население весьма острая стрела, на которой, подобно канатоходцам, балансировать могут не все. Много и многие срываются и разбиваются.

Совершенствовать систему управления

Когда начнем профессионально рассматривать ситуации и проблемы, основательно хозяйствовать? Вот основной вопрос страны. Когда начнем пользоваться быстро возобновляющимися ресурсами? Что есть истинное, освященное временем хозяйствование, за которое держалось население и сейчас цепляется как за последнюю возможность выжить и вырастить детей?

У людей в районах много проблем, которые самим им не решить. Умирают поселки — жители стремятся переселиться в города. Но как трудно обустроить жизнь, и как легко ее обрушить. Люди иногда поселяются в крольчатниках, гаражах, чтобы пристроиться в городе. Но надо ли двигаться по пути безудержного роста городов с их убывающими возможностями производственного сектора, выпуска продукции? Город — эрзац-мир, среда искусственная. Приспособиться в нем мигранту из деревни для упорядоченной жизни — процесс долгий, растягивается на годы. Вырастить и воспитать ребенка в городе затратно, ребенок здесь как бы тяжелая ноша. И, выросший, он обществу не нужен: много, ох, как много молодежи ведет сегодня бездеятельную, пустую жизнь.

В крае все больше селений зарастает лопухами с доживающими свой век домами. Для кого и чего освобождаются эти земли? Какой умысел в этом и чей? Оправданный, добрый? Или, может быть, злой?

Вспомните некогда муссируемую проблему Нечерноземья в Центральной России. Отчего население оставляло деревни с утварью, иногда иконами? Соблазн и лучшие условия в городе? Не только это. Когда у семьи есть хоть плохонькая земля (а таковыми являются многие лесные земли с тонким слоем гумуса), но есть еще рыбный водоем, ближний лес, не тронутый лесозаготовками с древесиной для подсобных построек, лес с завлекательными его дарами, с миром традиционных промыслов и мало когда чинимых препятствий, — люди не бегут. Властные структуры не мешают, люди держатся за избу, угодя, кормят себя, излишки уходят на нужды общества, а кое-что на экспорт; растут дети. Но стоит невзвешенной хозяйственной политике выбить хоть одну из составляющих устоев жизнедеятельности, и жизнь рушится.

Вспомните из истории: когда чиновники алчны, а расходы — ясак (десять соболей с лука, а не один), племя бросает землю и уходит. Даже туда, где наследникам мало места.

Трудно жить с травинки, ягодки, с зерна кедрового, рыбной чешуйки.

Структуры, определяющие ущербный характер природопользования, не обладают технологией прогнозирования ситуаций по управленческим решениям. Такие технологии не заложены.

Из хаотичного природопользования Россия имеет уже горький опыт. При СССР в Карпатах буковые деревья валили до тех пор, пока не стало хватать не только на паркетную плитку, но и на мебельный шпон. Ученые вынуждены были искать на вырубках отдельные полнозрелые деревья для размножения. Их пронумеровали, поставили под охрану. А древесину бука стали закупать в соседней Румынии по баснословной цене.

В той же Ярославской области, в селах на местах былинных хвойных лесов, в результате рубок остро встала проблема дров. И у нас в лесном крае появилась схожая проблема

для местного населения: рассказать все — бумага покраснеет.

Наши пользователи рассматривают лес не как сообщество видов и организмов, не как живую природу, формировавшуюся миллионами лет, к которой приспосабливался не теперешний — разумный человек, собирая урожай ресурсов. Лес рассматривается только как лесосырьевая база для кубов древесины. Это реальная управленческая стратегия, и огромные средства зачисляются для ее поддержки, разрушения природного комплекса. Любим мы вкладывать деньги в разрушение природы!

Мало задействованный потенциал того, что даруется природой, огромен и бесконечен: возможность сбора урожая действительно неисчерпаема. Другие страны умело пользуются им. У нас в анналах систем управления нет такой структуры, которая бы решала весь комплекс вопросов по развитию традиционного биологического природопользования. А это судьбы десятков тысяч людей в крае!

Все связанное со стратегией природопользования должно основываться на глубочайших экспертных разработках широкого круга специалистов от науки и практики. Мы же на деле развития имеем одну концепцию: «Лесов-то у нас полно!», примитивно-малое направление.

Необходима системная и систематическая работа над проблемами. Но готовы ли к этому системы управления? Необходимы усилия властных структур по оптимизации систем управления, формировавшихся наслоениями. Необходима коррекция технологий систем управления, для того чтобы решать проблемы, даже не требующие финансовых вложений, и многие другие, которые можно решить.

Борис НАКОНЕЧНЫЙ

Материал подготовлен

при содействии РОУ «Консультационно-экспертный совет по природопользованию»

и жизнедеятельности населения Красноярского края»